

эта основа не подвергается морфонологическим изменениям. Ср.: *жаброуцы — Жаброушчына*. Иногда катойконимы мужского рода образуются от катойконимов множественного числа. В структуре катойконима выделяются два словообразовательных суффикса *-чан* и *-ец* (или *-ан-е*): *Барысаўшчына — барысаўчане — барысаўчанец*.

К основам на *-j-* и гласные мог подключаться катойконимический суффикс *-щане*. Суффикс *-щане* не закрепился за определенной структурой топонимов. В. А. Горпинич справедливо замечает: «Нет оснований связывать катойконимы на *-щан-и* с определенным диалектом или районом. Это явление междиалектного характера»². Формы на *-щане* единичны, в катойконимической системе занимают периферийное положение: *Бабруйшчына — бабруйшчане, Паморшчына — паморшчане, Кулеўшчына — кулеўшчане*. Иногда элизируется суффикс притяжательности *-ов*. Катойконим образуется при помощи суффикса *-чанин*: *Макрычаўшчына — макрычанін, макрычане*. Производящей базой для катойконима выступает и неэлизованная основа. Формант *-щин-а* полностью включается в производное слово. Катойконим оформляется с помощью суффикса *-ец* /реже *-анин* /: *Пятроўшчына — пятроўшчыныцы*.

Топонимических словосочетаний в этой группе производящих слов совсем немного. Катойконимы образуются от них по общим правилам: элизируется не только топоформант *-щин-а*, но и адъективный компонент топонимизации: *Вялікая Гуменаўшчына — гуменаўцы, гуменавец, гуменаўка*.

¹ Н. Safarewiczowa. Nazwy miejscowe typu Mroczkowizna, Klimontowszczyzna // Prace onomastyczne, 2.— Wrocław, 1956.

² Горпинич В. О. Назви жителів в українській мові (Питання словотвору, слововживання та нормування).— Київ, 1979.— С. 50.

С. Е. ПАРОМЧИК

О РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ОТНЕСЕННОСТИ МНОГОПРИЗНАКОВЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Исследование референциальной отнесенности прилагательных становится особенно актуальным для таких специфических в семантическом отношении адъективных слов, как многопризнаковые (по термину Н. Д. Арутюновой), или синкретичные прилагательные типа «gangling» (долговязый *), «stocky» (коренастый *), «squab» (короткий и толстый). Эти адъективные слова представляют собой комплексные номинативные единицы, обозначающие одновременно несколько различных признаков, свойств или качеств предметов и явлений действительности. Одной из семантических особенностей многопризнаковых прилагательных может, по-видимому, считаться употребление указанных адъективных слов для описания лишь определенных классов референтов. Об этом свидетельствуют факты языка: например, значительная часть многопризнаковых прилагательных в лексикографических источниках имеет определенные референциальные ограничения, с другой стороны, изучение речевого функционирования указанных адъективных слов подтверждает их применение для описания не вообще любых, а лишь конкретных сфер.

Референциальные ограничения, свойственные для синкретичных прилагательных, определены, по-видимому, самой сущностью многопризнаковых адъективных слов. Многопризнаковые прилагательные обозначают такие признаки, свойства и качества объектов действительности из общей сферы познанных и названных человеком признаков, для

* Русские эквиваленты, отмеченные звездочкой, также оказываются многопризнаковыми.

наименования которых существуют уже однопризнаковые номинативные единицы адъективного типа. Характеризация объектов действительности посредством многопризнаковых прилагательных идет одновременно по нескольким или даже многим признакам. Между тем не все предметы и явления действительности, для которых свойствен в каждом данном случае тот или иной отдельный признак, могут характеризоваться одновременно в одних и тех же системах связи несколькими свойствами или качествами. Такие совокупности признаков, очевидно, «схваченные» человеческим сознанием и закрепленные в языке благодаря наличию относительно устойчивой связи между ними, в силу ономаσιологической особенности прилагательных возникают, по-видимому, не для характеристики различных предметов и явлений объективного мира. Скорее всего они призваны к жизни для описания конкретных, определенных, наиболее характерных референтов (классов референтов) — их типичных носителей. Поэтому устойчивая связь устанавливается не только между определенными (а не любыми) признаками, характеризующими одновременно какой-либо объект действительности, обозначенными одним и тем же прилагательным, но также и данной совокупностью признаков и их типичным референтом. Именно это и является той причиной, которая ограничивает для каждого многопризнакового прилагательного сферу его применения.

В результате анализа референциальной отнесенности многопризнаковых прилагательных, проведенного на основе словарных дефиниций из серии Оксфордских словарей и третьего издания «Большого толкового словаря Уэбстера», а также рассмотрения их функционирования в художественных текстах английских и американских писателей общим объемом свыше 10 тыс. страниц установлено, что важнейшим референтом синкретичных прилагательных является «человек». Указанные прилагательные употребляются прежде всего для описания физических свойств человека в целом, что осуществляется посредством таких многопризнаковых прилагательных, как «portly» (дородный *), «lanky» (долговязый *), «slender» (стройный *), «podgy» (приземистый *), «stubby» (коренастый *), «sturdy» (сильный и здоровый), «leggy» (с длинными, красивой формы и привлекательными ногами) и мн. др.

Некоторые многопризнаковые прилагательные употребляются для характеристики как мужчин, так и женщин, другие же используются для описания лиц определенного пола, признак которого является чаще всего скрытым компонентом значения подобных прилагательных. Так многопризнаковые прилагательные «stocky» (коренастый *), «portly» (дородный *), «burly» (большой и сильный) и мн. др. употребляются преимущественно для характеристики мужчин, в то время как синкретичные адъективные слова «buxom» (полная и хорошенькая), «petite» (маленькая и элегантная), «willowy» (грациозно высокая и стройная) и др. в большей степени типичны для описания лиц женского пола.

Значительное количество многопризнаковых прилагательных употребляется также для описания частей тела человека с точки зрения их физических свойств: «burly» (большие и сильные), «pudgy» (короткие и толстые) руки; «spindly» (длинные и тонкие), «stumpy» (короткие и толстые), «slender» (стройные *) ноги; «spongy» (мягкая и пористая), «silky», «satiny» (мягкая и гладкая) кожа; «beady» (маленькие, округлые и яркие), «glassy» (стеклянные *) глаза; «snub» (курносый *) нос; «scrawny» (худая и тонкая) шея; «wiry» (жесткие и гибкие) волосы и др.

Многие синкретичные прилагательные используются и для характеристики человека со стороны его внутренних качеств — духовных и моральных свойств: «cowardly» (подло робкий и малодушный), «childlike» (имеющий характеристики детей) и др., манеры поведения, отношения к другим людям, состояния человека: «neighbourly» (обмен визитами, неофициальные беседы, оказание помощи и совет), «motherly» (проявляющая положительные качества матери, особенно нежность и доброту), «frantic» (быстрая и нервная деятельность) и др. Ряд прилагательных

указанного типа употребляется для характеристики голоса человека и вообще звука: «silvery» (серебристый*), «süperu» (сладкий и мелодичный) и др., запаха и вкуса: «mellow» (мягкий, сладкий и сочный), «cabbage» (имеющий запах, вкус и цвет капусты) и др.

Другими важными классами референтов являются животные: «corgy dogs» (хорошо сложенные и подвижные собаки), «sturdy animals» (сильные и здоровые животные) и др., а также такие артефакты, как: «одежда», «пища», «жилище человека», «предметы собственности человека»: «baggy pants» (слишком свободные, оттопыривающиеся или сидящие, как мешок, брюки), «crisp wedges of toast» (твердые, сухие и хрупкие гренки), «labyrinthine cellars of Plaza Hotel» (запутанные и разветвленные подвалы отеля «Плаза»), «portable typewriter» (легко перемещаемая и удобная печатная машинка) и др.

Таким образом, важнейшими классами референтов, для описания которых используются многопризнаковые прилагательные наряду с «человеком», являются такие классы, которые непосредственно связаны с человеком, как бы преломляются сквозь призму его взглядов, норм, видения объективного мира, его потребностей, определяются всей его жизнью и деятельностью.

Л. И. МАШУРОВСКАЯ

ПРИЧИНЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОСТИ (на материале английского языка в сопоставлении с русским)

При сопоставлении языковых единиц различных языков, обозначающих относительно одинаковые предметы и понятия внеязыковой действительности, выявляется специфическая разница между способами и методами ее обозначения, специфика национального смысла слов, несовпадение лексических объемов, а также, зачастую, и полное отсутствие языкового знака для определенного явления действительности. Причины таких различий усматривались и в различии внутренних форм языков (В. Гумбольдт и его последователи), и в различии условий жизни (Э. Сепир, Б. Уорф), в неравноценности человеческого мышления (Л. Вейсгербер), в признании разного вида логик (П. Гартман).

«Словарь — это вселенная, расположенная в алфавитном порядке»¹, т. е. все окружающее нас многообразие мира, будучи предварительно выделенным нашим сознанием, выражено словами. «Процессы этого расчленения необыкновенно сложны, формирующиеся отдельности в различных языках различны»². Все зависит от необходимости для носителей определенного языка выделения и соответственно называния какого-то отдельного отрезка внеязыковой действительности. Каким бы ни было это деление, язык всегда обладает одинаковой выразительностью для его носителей, невзирая на их национальность, степень экономического и культурного развития. Даже наличие лакун всегда может быть компенсировано другими языковыми средствами.

Степень разработанности семантического пространства в разных языках различна. Так, язык эскимосов изобилует словами, описывающими Арктику, животных, в то время как арабы имеют обширный запас слов для характеристики пустыни и условий жизни в ней. Разработанность семантического пространства непосредственно зависит от актуальности обозначения какого-то понятия или явления, от его исторической необходимости. Мак Артур в качестве примера приводит развитость английского и французского словарей XVII века для описания лошадей и экипажей. Часть этой лексики в XIX—XX веках перешла в описание автомобилей, часть — вышла из употребления вообще³. Таким образом, язык, называя какой-то отрезок действительности, пользуется определенными способами и методами для его обозначения, учитывая, безусловно, актуальность его выражения и принцип экономии, согласно которому явле-